

С. И. Баранова

Россия, Москва

Российский государственный гуманитарный университет

Региональные версии изразцового декора. О термине «северо-двинская школа»

Результаты изучения русского изразца позднего Средневековья свидетельствуют о единообразии изделий, произведенных на весьма обширной территории Московской Руси. В какой-то момент это привело к утрате самобытности развитых ранее школ (например, псковской, сформировавшейся еще в XIV в.) и унификации изразечной продукции на всей территории России.

Тем не менее, на окраинах страны рождались и развивались, не оказывая, кажется, никакого влияния на «общее культурное развитие», собственные версии изразца, выработанные благодаря возможностям торговли, умениям местных ремесленников и художественным мотивам, занесенным извне – из-за границы, со страниц «Символов и эмблемата», из крупных центров, получивших европейский стилиевой и технологический импульс во 2-й половине – конце XVII в. Доставленные из Москвы образцы, воспринятые приемы и мотивы порождали локальную моду, державшуюся десятилетиями, а иногда и более.

В изразцовом искусстве мы знаем не так много примеров местных, сложившихся благодаря старомосковскому подходу к занесенным издали новациям и их использованию, художественно-производственных традиций. Тем они ценнее. Немногие из подобных «культурных резервуаров» на Русском Севере и в Сибири сегодня открыты и изучены, но интерес к ним растет. Именно этому мы обязаны появлением в истории русского изразца термина «северо-двинская школа». Впервые определение «северо-двинская школа» встречается во втором выпуске известного исследования А.В. Филиппова «Древнерусские изразцы XVII в.», которое не было издано. Рукопись сохранилась в архиве архитектора Т. М. Меняевой и появилась в 2003 г. в интернете

Филиппов отмечал «оригинальность и неповторимость румпы изразцов Великого Устюга, которые помогли установить по этому и ряду других признаков существование на севере одного из крупных самостоятельных центров изразцового производства, которое может быть объединено понятием Северо-Двинской школы» [Филиппов1938.]. Этот термин не использовался в дальнейшем в каких-либо публикациях, в том числе в работах специалистов, стремящихся представить ту или иную традицию, стиль, технологию русского изразца, например в известном издании С.А. Маслиха, где в значительном объеме приведены изображения устюжских изразцов [1983, ил. 177–195]. Между тем, в собраниях ряда крупнейших музеев России в изобилии хранятся изразцы, которые, по мнению Филиппова, характерны для этой школы. В 1927 г. А.В. Филиппов изучал изразцы на Русском Севере. За время поездки им были обследованы города Великий Устюг, Тотьма и Вологда (рис. 1).

Использование в местной архитектуре изразцов главным образом связано с формированием архитектурного облика Устюга, который складывался во второй половине XVII в. Длительное увлечение многоцветными изразцами в качестве элемента архитектурного убранства в Устюге продолжалось до середины XVIII в. [Баранова, Лисенкова, 2001. с. 172].

Московская линия была чрезвычайно сильна, но уже во 2-й половине столетия на устюжских изразцах не только копировались рисунки московских изделий, но и демонстрировались новые элементы, нередко с изменением сюжета. Иная трактовка известных орнаментов в декоре памятников Устюга указывает на использование для их оттиска собственных, местных форм, отличных от столичных, а также свидетельствует об изготовлении изразцов непосредственно на месте.

Со второй четверти XVIII в. происходили большие изменения в дальнейшем развитии устюжского изразцового дела. Изразцы с фасадов зданий постепенно переходили в их интерьеры, где получили затем исключительно широкое распространение. Местные мастера-

гончары приступили к интенсивному производству наборов керамики специально для печей. Так начался второй, «интерьерный», этап развития устюжской майолики, который охватил весь XVIII в.

Самым характерным признаком устюжских печных изразцов является их форма, восходящая к полихромной (ценинной) керамике Руси 2-й половины XVII в. Эти особенности в середине XVIII в. почти полностью исчезли в печной керамике России, где господствовали живописные (расписные) сюжетные изразцы. Своим происхождением они связаны с облицовочными дельфтскими плитками, пришедшими с Запада еще в Петровскую эпоху.

Таким образом, можно с полным основанием говорить о существовании «северодвинской школы» в изразцовом искусстве, формировавшейся на протяжении XVII–XVIII вв. В XVII в., следуя московским импульсам, северные мастера и заказчики трансформировали их, создав оригинальное местное производство и заложив, таким образом, основы для расцвета устюжского изразца в XVIII столетии.

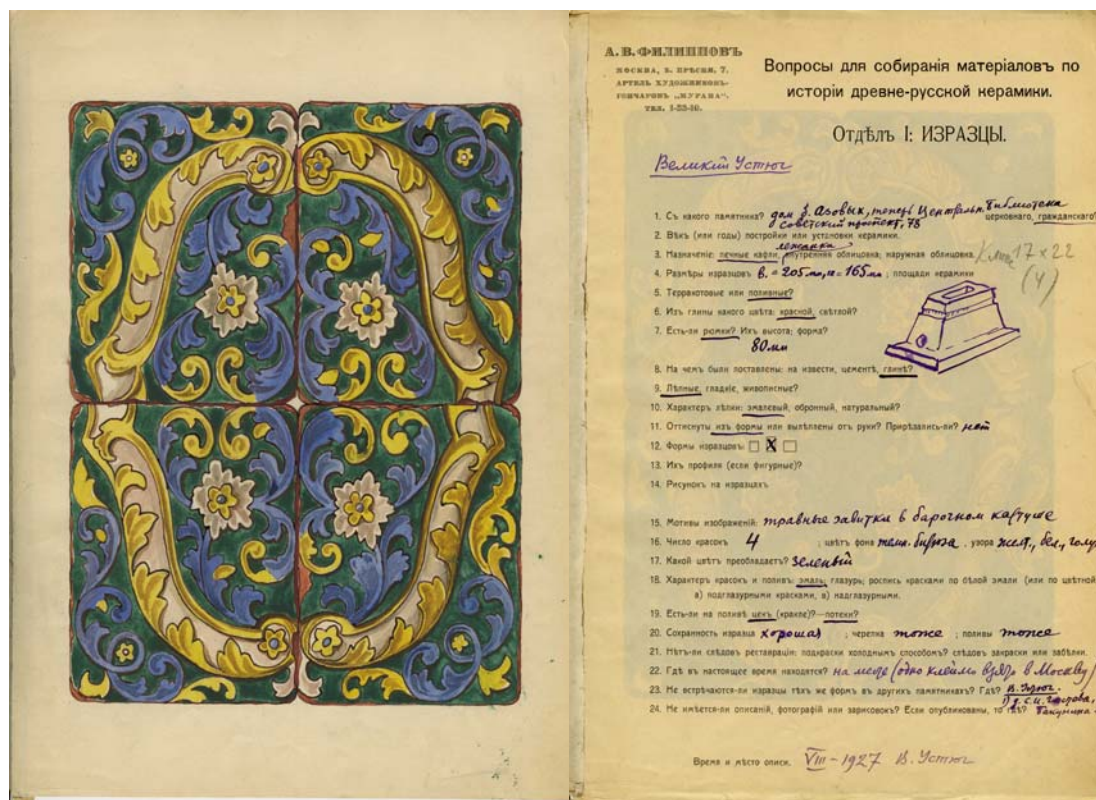


Рис. 1. «Анкета» А.В. Филиппова с описанием и зарисовкой изразцов из дома Азовых в Великом Устюге. 1927 г. Архив А.В. Филиппова.

Список литературы

- Баранова С.И.** Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78.
- Баранова С.И.** Московский изразец XVII века: от Белого моря до Поволжья и Сибири // Архитектурное наследство. М.; СПб., 2014. С. 43–59.
- Баранова С.И.** Московский изразец XVII века в пространстве России // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1 (57). С. 98–106.
- Баранова С.И., Лисенкова Ю.Ю.** Изразцовый декор памятников архитектуры Великого Устюга // Архитектурное наследство. М., 2012. Вып. 56. С. 77–94.
- Маслих С.А.** Русское изразцовое искусство XV–XIX вв. М., 1976 (2-е изд. – 1983).
- Филиппов А.В.** Древнерусские изразцы. 1940. Вып. 2. Изразцы XVII в. // РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/filippov1.htm>